

Епанча, покромка, шубка

Из истории диалектных названий одежды

© Е. П. ОСИПОВА,
кандидат филологических наук

В статье рассматриваются диалектные слова, относящиеся уже к исторической лексике. Они сохранили связь с этнокультурными процессами прошлых эпох и являются элементами культурного наследия.

Ключевые слова: рязанские говоры, епанча, покромка, шубка, лингвокультурология, памятники письменности.

Лексическая система говоров находится в состоянии постоянного развития. Один из активных процессов – архаизация словарного состава. Изменения в укладе жизни современного села привели к тому, что многие лексемы перешли в разряд историзмов, сохраняющихся только в памяти представителей самого старшего поколения. Однако диалектизмы, обозначающие явления материальной и духовной народной культуры, в настоящее время следует признать своеобразным памятником народной культуры: «Каждое слово есть представитель понятия, бывшего в народе: что было выражено словом, то было и в жизни; чего не было в жизни, для того не было и слова. Каждое слово для историка есть свидетель, памятник, факт жизни народа, тем более важный, чем важнее понятие, им выражаемое» [1. С. 103]. Знание того, чем жили прошлые поколения, всегда будет вызывать интерес исследователей. Носителем особого культурного кода обладает одежда, связанная с весьма отдаленными эпохами и своими формами, и названиями.

Так, в древнерусском языке слово *епанча* означало покров, полость при санях, а также и верхнее платье [2. Т. II. С. 828]. В значении одежды, т.е. род накидки, плаща, широкое длинное верхнее платье без рукавов, слово отмечено под 1488 годом [3. Вып. 5. С. 52]. По мнению Р.А. Юналеевой, одно из древнейших тюркских заимствований в вос-

точнославянских языках, вероятный источник – половецкий или печенежский [4. С. 253]. По свидетельству Е.Н. Борисовой, в рязанских памятниках XVII века часто встречается как название нарядной верхней одежды с воротником (*ожжерельем*), шелковой строчкой и нашивками: «... да епанча бела съожерельем, строка шелковая червчата...»; «...зделаны адиннацат епонеч с ожерели...»; «отгняли ...платья шубу новую баранью да зипун новой серой да епоньчу новую серую ж...»; «ита-вытная...шерсть переделана в епоньчи и в воилыки...»; «а выделано ис той вытнани мнстрьской шерсти 3 епоньчи с ажерел(ь)ям»; «...на епоньчи оправливат два аръшина крашенины три порьтища нашивак нитьных...» [5. С. 317].

Контексты не всех рязанских грамот дают возможность сделать заключение о значении слова, лишь некоторые указывают на использование слова в качестве обозначения покрова, полости на лошадь или сани: «...а с лошади, государь, сняли с моей сядло с войлоки да епаньчю»; «...прикажи гсдрь прислать из мнстря в село високое напроезд за мнстрским делом польсть саньню да воилык а у мене бгомольца твоео епаньчи и воилыка нет потому что из казны мене невыдано» [Там же. С. 317].

Материалы других памятников XVI и XVII веков показывают, что епанчи были распространены в разных слоях населения Московского государства. П.И. Савваитов отмечал слова *японча*, *япончища*, которые обозначают широкое длинное верхнее платье, надеваемое в непогоду поверх другой одежды, или безрукавый плащ, бурку. Лексемы *епанча*, *епанечка* называли короткую женскую безрукавую шубейку, накидочку, покрывающую опущенные руки. Япончи надевали в ненастье: на государе была «епанча сукно скорлат червчат, потому что был снег» (1653 г.); государь по дороге из села Пахрина на бумажную мельницу «изволил ферезею переменить, а надел епанчу сукно осиново, да шляпу, для того что был дождь» (1677 г.) [6. С. 183–184].

Лексикографические источники XVIII и XIX веков свидетельствуют о сохранении слова в прежнем значении: «широкое длинное верхнее платье, надеваемое в ненастье сверх обыкновенного платья» [7. Ч. 5. С. 1009]. В Словаре В.И. Даля *епанча* – «широкий безрукавый плащ, круглый плащ, бурка»; женская безрукавая короткая шубейка со сборками; накидочка имеет название *епанечка*. Ареальная помета встречается лишь для «*кошма*, *епанча*, *тмб*. войлок из поярка» [8. I. С. 520]. В материалах Е.Ф. Будде есть рязанский фонетический вариант *гепанча* – «войлок», записанный в Михайловском уезде Рязанской губернии [9. С. 132].

В Словаре С.И. Ожегова *епанча* – длинный и широкий старинный плащ [10. С. 152]. В Словаре русских народных говоров (СРНГ) лексема не имеет пометы «*рязанское*», в архангельских и вологодских говорах

оно обозначает одежду, в тамбовских, курских, воронежских, пензенских – войлок, домашнее валяное сукно, в олонечских, вятских, московских – крышу на четыре ската [11. Вып. 8. С. 362].

В рязанских говорах XX века слово *епанча* встречается в значении войлока. Валяные епанчи стелили на лавку молодым во время свадьбы (видимо, сколок старой традиции, позже эту функцию в свадебном обряде стала выполнять шуба), на них спали на лавках, в дороге ими укрывались, спасаясь от непогоды (район старейшего в Рязанском крае Иоанно-Богословского монастыря). В качестве подстилки, матраца епанчи использовали на востоке Рязанской области (Сасовский район). Во многих населенных пунктах сохранились только воспоминания о епанчах как о длинной бесформенной одежде, роде плаща. Не случайно епанчой называют женщину, одетую нелепо, безвкусно: «Пойду, распущусь, скажут: пошла как йипанча» [5. С. 319].

Памятниками с XVI века засвидетельствовано слово *покромка* / *покроть*, которое в то время означало кромку, продольный край ткани [2. Т. II. С. 1117]. В XV–XVII веках *покрома* и *покроть* имеют отмеченное значение; кроме того, последнее является наименованием специально изготовленной ткани в виде узких полос или кромки уже готовой ткани для подшивки, отделки чего-либо, а также и домотканого пояса: «Грабежом с меня сняли... 2 ножа... да покроть с хамьяном, а в хамьяне 20 алтын денег» (1603 г.) [3. Вып. 16. С. 179–180]. В рязанских памятниках XVII века встречается в указанном значении и как обозначение пояса, вероятно, к поневе [5. С. 331].

СРНГ отмечает слово *покромка* как обозначение домотканого цветного женского пояса, помимо тамбовских, костромских, воронежских, саратовских, архангельских, также и в рязанских говорах: «Вы распяской, а я покромкой подпояшусь» [11. Вып. 29. С. 11]. В русских говорах бытуют и уменьшительно-ласкательные производные от него: *покромочек*, *покромочка* (псковское, смоленское, рязанское, пермское). Лексема *покроть* имеет ареальные пометы «воронежское» и «владимирское» (Там же).

Покромка как пояс отмечено рязанскими этнографами в целом ряде районов Рязанской области [12. № 879, 1595 и др.]. В современных рязанских говорах в значении «пояс» встречаются оба наименования, но чаще уменьшительное *покромка* (Рыбновский, Новодеревенский, Ухоловский, Сасовский районы). Вместе с тем в отдельных местах *покромкой* называли край поневы из красной или какой-либо другой шерсти.

На примере слов *покроть*, *покромка* мы наблюдаем процесс изменения значения – от кромки, края сукна, который обыкновенно употребляли на пояса и на обшивку подола понев, к отдельному предмету – поясу для поневы или рубахи, сотканному или связанному из шерсти.

Во многих рязанских памятниках XVII века, содержащих описание имущества помещиков и зажиточных людей, зафиксировано слово *шубка*: «да платья даю за дочерю своею шупку комчатую жаркую на белке по цене пять рублев да шупку киндячную цветную...»; «да шупка дорогилна холодная цена шесть рублев да шуба теплая за нея...»; «выкрали ись клети... да шупку женскую крашенинъную...»; «а вклетях згорело животов три шубы бораньих шупъка киндячная холодная...»; «...да две крашенинъных шупки...»; «...шупку камъчатую красъною холодною, шупъку тафтьяною желътою шубъку дарагильною чевъчатою с пуговицы серебряными...» [5. С. 285–286].

По Савванитову, шубка – женская одежда вроде короткого сарафана, круглого и сбористого; их шили из бархата, атласа, сукна и др. тканей, на подкладке, с подпушою. Подобные шубки упоминаются в описах платья царицы Евдокии Лукиановны, царевны Софии Алексеевны и царицы Агафии Симеоновны: «скроена царице накладная шубка в камке Кызылбашской по серебряной земле травки шолки розные, листье золото; камки пошло 7 арш. с вершком; на подкладку пошло 5 арш. без дву вершков тафты виницейки червчатой» (1626 г. 14 июня); «скроена шубочка накладная в отласе золотном по зеленой земле в цветах, шолк таусинен да ал з золотом; отласу пошло 10 арш. без чети, на подкладку тафты виницейки червчатой пошло полнята аршина» (1635 г. 17 декабря) [6. С. 179]. Как видно, в XVII веке *шубка* обозначала одежду привилегированных сословий, т.к. была довольно распространена в зажиточной среде. Уменьшительное наименование, обозначая, видимо, более легкую шубу, со временем окончательно утратило связь с шубой и закрепилось в русском языке в качестве названия женской одежды.

В XIX веке, по лексикографическим источникам, *шубка* сохраняется как обозначение женской одежды: «легкая меховая одежда», «меховая безрукавка», с пометой *курское* имеет значение «сарафан» [8. IV. С. 647]. В рязанских говорах лексема зафиксирована Е.Ф. Будде как женская юбка из китайки с подкладкой [9. С. 149].

В рукописном фонде научного архива Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника сохранились свидетельства бытования слова *шубка* в рязанских говорах в 20-е годы XX века и позже. Практически повсеместно лексема обозначала девичью одежду наподобие сарафана, которую надевали на рубаху и которая заменяла поневу замужних женщин. Шили из *кубовой* (синей) материи, по подолу украшали *клажей* (вытканной на домашнем стане тесьмой) [12. № 1530]. Известный этнограф Н.И. Лебедева отметила подобную одежду в бывшем Скопинском уезде Рязанской губернии, указав, что *шубки* «девки стали носить лет тридцать тому назад, теперь в них и венчают» [13. С. 20]. Б.А. Куфтин констатирует наличие названия *шубка* для сарафана в московских говорах, в уездах Калужской, Тульской, Владимирской, Смоленской, Воро-

нежской губерний [14. С. 105]. В современных рязанских селах *шубки* хранят как предмет старинного костюма, их используют в свадебном обрядовом наряде.

В данных лексических фрагментах отчетливо проявляется жизнь слова на протяжении столетий. С ними мы продолжаем встречаться при обращении к литературным памятникам и произведениям русской классической литературы. Поистине, «чтобы найти исчезающие тропинки к родникам жизни, нужно восстановить эти утраченные, полузабытые... смыслы» [15. С. 383].

Литература

1. *Срезневский И.И.* Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. СПб., 1887.
2. *Срезневский И.И.* Материалы к словарю древнерусского языка. СПб., 1893.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–.
4. *Юналеева Р.А.* Тюркизмы в русском языке (на материале названий одежды). Дисс. ... д. филол. наук. Казань, 1984.
5. *Борисова Е.Н.* Из истории бытовой лексики рязанских памятников XVI–XVII веков. Дисс. ... канд. филол. наук. Рязань, 1956.
6. *Савваитов П.И.* Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов. СПб., 1896.
7. Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794.
8. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
9. *Будде Е.Ф.* К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. Варшава, 1892.
10. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1987.
11. Словарь русских народных говоров. М.–Л.; СПб., 1965–.
12. Научный архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника.
13. *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму Рязанской губернии // Труды Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1929. Вып. XVIII.
14. *Куфтин Б.А.* Материальная культура русской Мещеры. Женская одежда: рубаха, понева, сарафан. М., 1926. Ч. 1.
15. *Топоров В.Н.* Имя как фактор культуры // Исследования по этимологии и семантике. Теория и некоторые частные ее приложения. М., 2004. Т. 1.

*Рязанский государственный университет
им. С.А. Есенина
Рязань*